

Театр одного

«Вишневый сад» Николая Коляды на фестивале «Дуэль» рассказывает ДМИТРИЙ РЕНАНСКИЙ

МЕТАФОРЫ НИКОЛАЯ
КОЛЯДЫ СОТКАНЫ
(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)
ЧЕГО-ТО СИРОТСКИ
ОСТРОГО

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ «КОЛЯДА-ТЕАТР» привозит на чеховский форум Балтдома свежий «Вишневый сад»: в Петербурге постановку сыграют через неделю после премьеры в родном городе. Это, пожалуй, единственный спектакль, так мощно выпирающий из фестивальной программы, к другим участникам интерес интерпретаторский. С «Вишневым садом» особой интриги нет: кого бы ни ставил отец-основатель «Коляды-театра», Шекспира или Гоголя, всегда получается один и тот же спектакль. За пятнадцать лет режиссерства Николай Коляда создал устойчивый сценический мир, лишь уточняемый и обживаемый каждой новой работой. «Вишневый сад» — отличный случай к нему присмотреться. Тем более что одна из важнейших российских региональных групп обласкана критикой и европейскими фестивалями, а в Петербурге появляется крайне редко.

«Коляда-театр» — редкий в России казус открытой оппозиции всему и вся, и социальной и эстетической. Восемь лет назад режиссер скандально ушел из екатеринбургского Театра драмы, уведа за собой часть труппы и образовав частное некоммерческое партнерство «Коляда-театр». С тех пор они живут, воюя за независимость голодовками и борясь за угол, — то есть находясь в полном аутсайде. Плодовитый драматург, воспитатель целой школы русского new writing и издатель журнала «Урал» имеет полное право называть театр собственным именем: он ставит свои

и чужие пьесы, сам в них играет (среди прочего и короля Лира), вывозит на гастроли, оплачивая перевозку декораций и суточные артистам авторскими отчислениями от проката своих пьес.

Жизнь в неприспособленных для нее условиях — ключевая тема театра Коляды. Вселенская помойка, отрывка масс подавившихся культурным багажом прошлого. Реквизит и материал для декораций покупает на рынках сам Коляда. Герои его «Ревизора» месят ногами непроходимую чавкающую жижу, герои «Гамлета» сношаются с репродукциями «Джоконды», в «Ромео и Джульетте» любовь озаряет убогих подростков с двумя извилинами — везде дикари, не ведающие прошлого и культуры. «Живут они на краю жизни, но от этого их любовь и стремление жить во что бы то ни стало становится только ярче и пронзительнее», пишет Коляда в аннотации к одной из постановок, и это верно для них всех.

Спектакли «Коляды-театра» похожи на посты его худрука в ЖЖ, на исповеди, писанные ночью по возвращении из театра, порой спьяну, чего автор не скрывает: они грубы как дерюга, сшиты небрежно со швами и дырами, лексически и стилистически неотфильтрованы, с ошибками-опечатками, но колоссально искренни. Разыгрывают их и суперпрофи вроде премьера труппы Олега Ягодина, и среднестатистические артисты, и просто средние. Кособокие, неправильные, диковатые, как бы доморощенно-

самодельные постановки очень уязвимы. К тому же их зачастую очень неприятно смотреть — в чернухе Коляду не упрекал только ленивый. Но все это и есть соль его театра. Задушевность неотделима от провокации, сострадание от чело-веконенавистничества. Кто-то заметил, что метафоры Коляды сотканы из непосредственных детских воспоминаний, из чего-то сиротски острого, чего-то проще и главнее некуда.

«Коляда-театр» — исключительный источник дефицитного сегодня гуманизма, «горя о чужом несчастье», как определил сострадание Плутарх. Коляда ставит про необходимость любить ближнего как се-

бя, про униженных и оскорбленных, которые в известной степени и есть мы сами. Почти ренессансное внимание к человеку, только эпоха не возрождения, а вырождения. Ренессанс сквозит и в низовой культуре, и в мощной массовой энергии, идущей от уверенности, что один тоже воин, да еще какой. Без нее Коляда не смог бы тащить на себе целый театр; кроме того, она — тот межчеловеческий код, который позволяет театр быть востребованным не только в России: почти сразу из Петербурга театр отправляется во Францию, во второй раз за последние полгода и в ответ на фурор летних гастролей.

Балтийский дом, 11 ноября, 19.30